

ФАНТЫ

—
АННА БЕЗУНЛАДНИНОВА
Родилась в 1987 году
в г. Нудымнаре Пермского
края.
Участница литератур-
ного клуба «Ночь текста».
Выпускница литературных
курсов Band, CWS. Публико-
валась в журналах «Сибир-
ские огни», «Пашня». Живет
в Москве.

Новый, восемьдесят седьмой год Сева с Милой решили встречать за городом – позвали с собой Акопяны. Бежевая «Волга» притормозила у ворот кирпичного дома с дощатой мансардой. Сева подхватил сумки и вышел из машины, вдохнул морозный подмосковный воздух. Поехил – ноги два часа без движения на заднем сиденье заковались. Помог вылезти Эдику, сыну Акопянов, и Миле. Где-то за заборами соседней играла музыка, итальянская, что-то там кантаре, пьяно, пьяно. Люди начали отмечать.

- Ремонт, конечно, потребуется, – говорил Гагик, протапывая дорожку к даче. – Недавно баня горела, отец переживал...
- ...И яблоньки молодые горели, – продолжала его жена, Лариса. – То ли замкнуло, то ли подожгли, сволочи.
- Ужас какой, – прошептала Мила, оглядывая присыпанную снегом черную гору железок и балок, остатков того, что было баней.

Сева хорошо знал семью Гагика: раньше они жили по соседству в серой трехэтажке в Марьиной Роще. Акопян-старший торговал обувью на рынке, потом в многозальных универмагах. На этом деле они поднялись, переехали в номенклатурную сталинку в центре столицы, но Сева с Гагилом общаться не переставали, хотя подобно высоте их домов разнились теперь и уровни

их жизни. Так что Сева тоже сочувствовал Акопянам, и даже по-дружески похлопал Гагика по плечу, хоть и сочувствие было поверхностное, как если бы все это приключилось с персонажами из кино.

На дачу Акопяны перевезли старую мебель из прошлой квартиры. Здесь стояли знакомые Севе с детства диваны, этажерки и буфет, в котором теперь вместо фарфоровых блюд и чашек громоздились трехлитровые банки с вареньем и брагой на зеленых яблоках. Под окнами росла елочка. Хоть и по пояс Севе, но все же – настоящая елочка. Пока он придумывал, чем бы ее украсить – жаль, не взяли с собой игрушек и дождика, – Гагик растопил печь и настроил телевизор, а жены собирали на стол: надо бы уже садиться, проводить уходящий год. Сева с Милой взяли с собой жареную курицу и шампанское, а Акопяны – замаринованную баранину, фрукты, заранее нарезанные салаты. Выставили на стол и дачные запасы, вдруг до них дойдет дело: овощные закрутки, варенье, сухие яблоки.

Антенна ловила плохо, и на прыгающем черно-белом экране едва можно было разглядеть Андрея Миронова, напевавшего «надо мной – небосвод, подо мною планета, между ними какой-то чудак...». – Обожаю Миронова! – сказала Лариса. Она переделалась в блестящее обтягивающее платье и те-

перь устраивала между тарелками кастрюльку с оливье.

– Мам, я выйду погулять? Там соседи пошли к оврагу кататься на санках.

Эдик заметно попрос. Еще по дороге, сидя на заднем сиденье, Сева косился на него, усаженного между ним и Милой, и думал: как быстро парень становится похожим на отца. Тот же выпирающий огромным парусником нос, губы мелкими сардельками, черные кудри... Или кудри – это уже в мать? Поди разбери.

– Шарф надень! И чтобы к девяти был дома.

Лариса открыла дверцу буфета и достала фужеры. Гагик выдвинул стулья – все помещаются, даже осталось место. Он сбегал куда-то под лестницу и вернулся с сияющими глазами:

– «Двин» остался, может быть, допьем?

В красивой бутылке было грамм двести коньяку.

– У нас же шампанское! – ответила Лариса. – Сева-джан, открывай!

Сева крутанул пробку, она хлопнула и эффектно отлетела в потолок. По прыгающему телевизору показывали Михаила Задорнова, шутившего на фоне красного рояля про вырезвитель. Смешно, находчиво.

Они подняли бокалы с шампанским (Гагик – рюмку коньяка) за уходящий год. Сева сделал глоток, быстро закусил помидором. Налил в стакан клюквенного морсу, залпом осушил и вздохнул. Гагик начал хвалиться налаженными поставками сапог из Будапешта. Лариса все это объясняла собственными заслугами, потому что, по ее мнению, без жены расширения бизнеса Гагику было бы не видать. Мила подцепила вилочкой шпротину и вставила в разговор второе место Севы на чемпионате по плаванию в Харькове.

– А это твоя заслуга, наравне с Севой, – похвалила Лариса.

Они торжественно звякнули бокалами, закусили. И началось:

– Играем в фанты! – объявила Мила.

Ладно, подумал Сева. Для него, как для спортсмена, любое соревнование, даже дружеское, превращалось в поле боя. Фанты же – игра безобидная, детская. Очень даже хорошо. Мила сбегала в подобие прихожей, вернулась со своим красным вязаным шарфом и шляпой Гагика. Собрала в нее от каждого по вещи: Сева сдал часы, Лариса – жемчужные бусы, Гагик – перстень, а сама положила конфету «Буревестник». «Свое имя буревестники получили из-за способности предугадывать непогоду, шторм» – вспомнились Севе слова учи-

тельницы литературы. Или биологии, он уже не помнил точно.

– Ведущим будет хозяин этого прекрасного семейного гнездышка, где мы все сегодня собрались, – сказала Мила и завязала глаза раскрасневшемуся Гагику, успевшему между делом выпить еще две рюмки коньяка.

Он тут же качнулся и чуть не опрокинул на себя тарелку с солеными огурцами. Лариса расхохоталась.

– Лучше бы меня назначила, он уже совсем пьяный, – шепнул Сева.

– Так веселее будет! – ответила Мила и крикнула: – Начинаем! Что этому фантику-бантику сделать?

Она достала из шляпы Севина часы.

– Пусть этот фант... станцует!

Мила с Ларисой захлопали, Гагик приподнял шарф: кому выпало? Танцуй, Севка!

– Да я не умею...

– Тогда часы Гагик тебе не вернет! – заявила Лариса.

– Да ну, – нахмурился Сева. Оценивать происходящее он не собирался, но все равно зачем-то сказал: – Глупости какие.

– Ну любимый, – обняла его Мила. – Это же игра. Вон сейчас запоют, давай!

Сева вышел из стола, неловко покрутился. Телевизор пел приятным баритоном «блестят обложками журналы, на них с восторгом смотришь ты, ты в журналах увидишь королеву красоты-ы...». Сева двигался под музыку, вспоминая, как познакомился когда-то на танцплощадке с Милой. Стройной, гладкой, в полосатом платье. Вроде бы и тогда пел Магомаев. Помнит ли она? Жена за его потугами не следила и ковыряла селедку под шубой, выбирая себе из салата кусочки рыбы, вареную свеклу она не любила.

– Обожаю Магомаева! – Лариса выскочила из-за стола танцевать с Севой.

Телевизор нагнетал: «С тобой связан навеки я, ты жизнь и счастье, любовь моя!» Они танцевали сначала на расстоянии, потом Лариса обняла Севу и изобразила падение, он ее подхватил. Мила хлопала, а Гагик залпом допил все, что оставалось в рюмке.

– Что бы ты без меня делал, а, Сева-джан! – Запыхавшись, Лариса вернулась за стол.

Сева сел к Миле и чмокнул ее в щеку.

– У тебя отлично получилось! – Она скормила ему с вилки кусочек соленого огурца. – Играем

Ее беспокоят только фанты, подумал Сева. Посмотрел в чужие тарелки – все ели курицу спокойно, видимо, только ему достался недожаренный кусок. Он попытался кулаком разглядить грудь, помогая ненавистой курице пройти дальше.

дальше. Гагик, закрывай глаза! Что этому фантику-бантику сделать?

– Рас-сказать стихотворение.

Мила держала в руке бусы Ларисы.

– Пе-передумал, – пьяно распорядился Гагик, покосившись на Севу. – Этому бантику... фантику... рассказать прилюдно. Ка-ак есть. С кем этот бантик был у нас дома, когда я летал в Будапешт.

– Это что ты такое задаешь? – Лариса наклонилась к мужу и прошипела: – Ты чего это, а?

Сева ел курицу, которую дома приготовила Мила. Кусок во рту прожевать не получалось, кажется, ему досталась какая-то недожаренная часть. Выплюнуть он не мог – Мила обидится. Но и держать во рту склизкий комок сил не было, скорее бы она отвернулась. И тогда он незаметно достанет изо рта, сделает вид, будто вытирает салфеткой рот... Но на словах Гагика про Будапешт Сева вздрогнул и проглотил мучительный огромный кусок. Он медленно и тяжело спускался по пищеводу.

– Н-не дам бусы, – гнул свое Гагик.

– Может, ну их, фанты эти? Выйдем проветримся? – предложил ему Сева.

– Нет уж. К-как говорит твоя жена – это же игра!

– Да с кем я могла быть? – начала злиться Лариса.

– Говори, кто приходил к нам домой.

Кусок курицы застрял на пути к желудку. Сева залпом выпил стакан морса – бесполезно. Мила покосилась на него, но ничего не сказала.

– Гагик, тебе больше пить нельзя. Он вечно так, как напьется. Начинает нести всякую ерунду. Будапешт! Кто приходил? Никто не приходил! Хоть бы раз взял меня с собой в Ташкент, в Тбилиси... Сажу в четырех стенах, пока он разъезжает по всему миру!

– К-консьержка мне сказа...

– Ну-ка, подожди, – с нажимом перебила мужа Лариса. – Ты велел за мной следить? Старуха на входе постоянно путает нашего соседа со всеми подряд, он даже на Севку чем-то похож внешне, а ты ей задаешь вопросы? Гагик Акопян, как только мы вернемся в Москву, я подаю на развод и возвращаюсь в Ереван.

Она хлопнула по столу и посмотрела на Милу. Та усмехнулась. Может быть, это добрая усмешка, просто ради хохмы, чтобы подыграть. Севе хотелось верить, что это так. На Ларису он старался не смотреть. «Между ними какой-то чудак...» – вертелось у него в голове. Он поморщился. Мерзкий кусок не желал проваливаться в желудок, а все, чем он пытался заесть эту курицу, копилось сверху. Интересно, можно ли умереть от закупорки пищевода?

Гагик на слове «развод» открыл рот. Его круглые глаза забегали, он, словно магнитофонная кассета, докручивал пленку всего сказанного женой, и под конец внутри него что-то шелкнуло, переключилось. Он дернул головой, заморгал.

– Ка-какой развод, ты что... Так, так... В Ереван по-поедем вместе, весной. Там как раз все зацветет, да?

– Если ты будешь дальше так говорить...

– Кому почистить мандарин? И надо, чтобы Лариса рассказала стихотворение. – Мила потянулась к вазе с фруктами. – Уж если начали, то надо соблюдать правила. Говорят же, что взрослым играть сложнее, чем детям, но мы справимся, да? Ларис, у тебя легкий фант, давай уже.

Ее беспокоят только фанты, подумал Сева. Посмотрел в чужие тарелки – все ели курицу спокойно, видимо, только ему достался недожаренный кусок. Он попытался кулаком разглядить грудь, помогая ненавистой курице пройти дальше.

– Все путают, – бормотал Гагик. – Я могу путать... Для юмора. Над к-клоунами в цирке смеется, а на-адо мной не смеется. Их любит, а мужа н-не любит, так, получается? Хотел пошутить, а ты сразу в позу. Она сразу в позу, да?

Хлопнула дверь, вернулся Эдик, и вдруг внутри Севы стало легко – курица наконец провали-

лась! Как же славно, когда все проходит... Как же славно. Он выдохнул, приобнял Милу. Она сняла его руку со своего плеча, уточнила у Ларисы про уборную и вышла из-за стола.

Эдик постучал валенками, быстро скинул за-снеженное пальто и ушанку, прибежал за стол. Лариса переключилась на сына и стала наклады-вать ему в тарелку тушеную картошку и салат. Га-гик делал попытки примирительно погладить ее по спине, она отклонялась. Он тяжело вздохнул, налил себе еще одну рюмку, но не до краев – чу-точку, на глоток. Но и налитое пить не стал, вы-тер салфеткой рот.

Лариса по требованию вернувшейся Милы – игра есть игра – протараторила ей про одино-кий белый парус, который что-то кинул в краю родном, и демонстративно забрала бусы. Гагик настойчиво помог их застегнуть. Продолжили иг-рать в фанты: Миле пришлось громко петь любую новогоднюю песню в открытое окно (она спела куплет из «В лесу родилась елочка»), а Гагик, злоупотребляя отсутствием интриги последне-го фанта, загадал себе поцеловать жену. Лариса противиться воле ведущего не стала. Они еще не-много посмотрели телевизор, поиграли в города (каждый раз, называя подходящие столицы, Гагик объявлял жене и сыну, что туда он их непременно свозит), еле-еле дождались двенадцати ночи и наступления Нового года. Перед этим по теле-визору их поздравил Михаил Горбачев, расска-зывая о том, как важно жить в мире и согласии. И, в отличие от Задорнова, почти не прыгал.

